

Мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь»
(от замысла — к рукописи, от издания — к читателю)

Костра я не разжег, а лишь поставил
У гроба лет грошовую свечу...

Илья Эренбург¹

Том первый (1891–1934)

Интервал исторического пространства-времени, о котором писатель и общественный деятель Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967) повествует в первом томе своих знаменитых мемуаров, начинается с Российской империи при царствовании Александра III и Николая II и заканчивается воцарением в СССР политической диктатуры Иосифа Сталина. В него уложилось череда знаковых событий как общероссийского, так и мирового значения: русская революция 1905 года, Первая мировая война 1914—1918 гг., большевистский переворот октября 1917 года и следом — Гражданская война (1918—1921), создание всемирного коммунистического движения (Коминтерн), смерть лидера большевиков В.И. Ленина (1924) и острейшая схватка его наследников за лидерство в партии и стране (1924—1929), в которой, используя реальную мощь партаппарата, верх взял генсек Сталин, ликвидировавший оппозицию, подчинивший себе партию и Коминтерн, а следом — коллективизировавший деревню, уничтоживший самую дееспособную часть крестьянства, установив в итоге тотальную власть в государстве. Конечно, Илья Эренбург мог писать лишь о том, что знал и помнил, участником или свидетелем чего ему довелось быть лично. 1905 год в Москве, большевистская организация и арест, политическая эмиграция, парижская группа содействия большевикам, Ленин, Каменев, Троцкий, Зиновьев и уход от большевиков. Конечно, в его жизни была не только политика, были стихи, любовь и первая жена, студентка Сорбонны Катя Шмидт, родившая в 1911 году ему дочь Ирину, а потом его бросившая, уйдя к Тихону Сорокину. Была парижская богема, художники «Ротонды», дружба с мало кому тогда известными Модильяни и Пикассо. Была война, поездки на франко-германский фронт и его корреспонденции оттуда в русские газеты. Эренбург помнил долгожданное возвращение в Россию летом 1917-го и ужаснувший его там раздраз, весь кошмар 1917—1920 годов, красных, белых и зеленых, помнил погромы и ВЧК, бегство на барже из врангелевского Крыма в свободный Тифлис. Потом возвращение в голодную Москву 1920 года, где невозможно было думать о романе «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», как он думал о нем в Париже 1916-го и в Киеве 1919-го. Помнил, как друг его юности Николай Бухарин помог ему получить разрешение на отъезд в Париж с советским паспортом. Обо всем этом хотелось рассказать (наверное, с разной мерой подробностей) в своих мемуарах. Он не мог и не

¹ Из стихотворения «Люди, годы, жизнь» (1964).

собирался писать о том, чего не видел и не знал: о страшной коллективизации, о методичном укреплении личной власти Сталина.¹ Ликвидацию политической оппозиции в СССР Илья Эренбург, поселившийся в 1921 году за границей, посчитал делом сугубо внутрипартийным, лично его не затрагивающим, ведь серьезные житейские проблемы возникли лишь на рубеже 1920—30-х годов, главным образом из-за жесточайшего мирового экономического кризиса, о чем он тоже должен был рассказать в мемуарах...

Воспоминания «Люди, годы, жизнь» могли быть написаны только после смерти Сталина, в годы относительной либерализации жизни в стране.

Собственно, замысел большого повествования о прожитой жизни, о людях, с которыми она сводила, о событиях, свидетелем или участником которых доводилось быть, о странах, куда заносила судьба, стал складываться у Ильи Эренбурга в середине 1950-х годов.

Первую попытку поделиться с читателями рассказом о своей жизни Эренбург предпринял еще в «Книге для взрослых», соединившей в себе роман с мемуарами; этот замысел возник в 1935-м (в конце года, будучи в Москве, Эренбург поделился им с редакцией «Знамени», откуда в самом начале 1936-го письмом в Париж заинтересованно напомнили ему об этом, и он засел за работу). «Книга для взрослых» вышла из печати накануне 1937 года, который, как оказалось, меньше всего располагал к воспоминаниям. Определяя для себя в конце 1950-х момент, когда можно будет приступить к новой большой работе, Эренбург, надо думать, держал в голове историю и судьбу «Книги для взрослых». Многие ее мемуарные страницы он использовал в процессе работы над книгой «Люди, годы, жизнь», но акценты в повествовании существенно изменились — исчезли былая ирония, жесткость иных суждений. «Мы слишком часто бывали в размолвке с нашим прошлым, чтобы о нем хорошенько подумать. За полвека множество раз менялись оценки и людей и событий; фразы обрывались на полуслове; мысли и чувства невольно поддавались влиянию обстоятельств. Путь шел по целине; люди падали с обрывов, скользили, цеплялись за колючие сучья мертвого леса. Забывчивость порой диктовалась инстинктом самосохранения: нельзя было идти дальше с памятью о прошлом, она вязала ноги...»² — с такой мыслью он приступил к повествованию о людях, годах и жизни.

Хрущевская оттепель, казалось, открывала возможность вернуться к прошлому и разобраться в нем; за три года после смерти Сталина страна сделала заметный шаг к самоочищению. Даря в 1956 году знакомому человеку свою повесть «Оттепель», Эренбург сказал, что все оставшееся время будет писать одну книгу — воспоминания. В своих литературных планах после «Оттепели» он вообще отказался от беллетристики. Характерным в этом смысле было и его категорическое решение исключить из своего последнего прижизненного собрания сочинений такие откровенно неудавшиеся ему вещи (советская цензура,

¹ С 1921 г. живя на Западе и приезжая в СССР в 1924 и 1926 годах, Эренбург месяц-другой ездил по стране, встречался с друзьями-писателями и с Бухаринным, но каких-либо серьезных тревог не ощутил, а в следующий приезд в 1932 г. очертания единоличной власти уже были заметны всем.

² См. наст. изд. С. 25–26.

напротив, к ним благоволила), как повесть «Не переводя дыхания», роман «Девятый вал» и вторая часть повести «Оттепель». При этом художественная эссеистика, стихи, переводы и международная публицистика оставались для него жанрами в разных смыслах актуальными.

Что же касается собственно воспоминаний, то прошли долгие четыре года, прежде чем Эренбург приступил к этой объемной работе. Тому были причины как внутреннего, так и внешнего порядка. О внутренних причинах Эренбург написал 5 мая 1958 года в «Автобиографии»: «Мне 67 лет, друзья иногда спрашивают меня, почему я не пишу мемуаров. Для того чтобы задуматься над прошлым, нужно отъединение и время, а у меня нет ни того, ни другого, я живу настоящим и все еще пытаюсь заглянуть в будущее. Жизнь нельзя просто пересказать, это неинтересно. Да и опасно полагаться на память: оглядываясь назад, видишь десятилетия в тумане, лес, а в лесу – случайно запомнившиеся полянки. Для того чтобы рассказать о жизни, следует ее продумать...»¹

В этой цитате выделим слова «я живу настоящим» и добавим к ним фактическую справку: Эренбург практически не писал в стол, он работал для своих современников², при этом хорошо знал политическую кухню цензуры и писал на пределе допустимого. В 1930–50-е годы только стихи сочинялись без какой-либо оглядки на возможность их публикации; некоторые из стихотворений не печатались годами, дожидаясь лучших времен, иные были опубликованы уже посмертно. В черное время (13 февраля 1953-го) Е.Л. Шварц пронизательно записал об Эренбурге в дневнике – там, где рассказывал о встречах с ним в 1920-е годы: «Потом, позже угадал я его дар: жить искренне, жить теми интересами, что выдвинуты сегодняшним днем, и писать о них приемами искусства сегодняшнего дня».³

Внешняя причина задержки с мемуарами – политический откат, происшедший в конце 1956 года в СССР после революционных выступлений в Польше и восстания в Венгрии, подавленного Советской Армией. Началось контрнаступление сталинистов на ту часть интеллигенции, в которой они видели главную опасность своей неограниченной власти.

Публикация эссеистики Эренбурга 1955–58 годов была пробой для его мемуаров (Эренбург писал о Бабеле и Цветаевой, о Лапине и Сарьяне, о любимых французских поэтах, прозаиках и художниках, об итальянском кино, о Чехове,

¹ Советские писатели. Автобиографии. <Т.1>. – М., 1958.

² Сошлюсь и на свидетельство искусствоведа И. Голомштока, которому Эренбург сказал: «Я средний писатель. Я не могу писать в стол. Я знаю: то, что я пишу, сегодня нужно людям, а завтра это будет уже не нужным». Его слова так прокомментированы Голомштоком: «Это было точно! Даже в самых скучных своих романах 40-х годов Эренбург всегда доходил до грани запретного, слегка переступал за эту грань, за что неоднократно подвергался строгой критике в прессе. Я, по крайней мере, всегда находил в его романах что-то мне “нужное”. И кто бы из наших “письменников” назвал бы себя средним писателем! Температура моего уважения к Эренбургу подскочила на несколько градусов!» (Знамя. 2011. № 3. С. 161). Думаю, объективно говоря, что Эренбург не был «средним писателем» своего времени, он имел *свое* лицо.

³ Шварц Е. Я живу беспокойно: из Дневников. – Л., 1990. С. 294–295.

о странах Азии, где побывал впервые, об их культуре и традициях). Эта работа, своеобразная «разведка боем»¹, позволила ему оценить реальные границы цензурно дозволенного в новых условиях послесталинского времени. Работая на этой грани возможного, Эренбург не раз ее переступал, чтобы, под нажимом цензуры, у последней черты сказать нет, фактически означавшее для него запрет публикации. При этом, конечно, Эренбург рассчитывал на свою международную известность, поддержку в кругах левой интеллигенции Запада, заинтересованность реформистской прослойки из хрущевского окружения в освобождении страны от сталинского наследия и улучшении ее зарубежной репутации. И тут уже, опасаясь международного скандала, ему, случалось, уступали. Художественная эссеистика Эренбурга вызывала озлобленные нападки ортодоксов, подчас срежиссированные аппаратчиками ЦК КПСС (как это было с «Уроками Стендаля»). Победы в те годы сталинисты, и самая возможность обращения к читателю с книгой воспоминаний для Эренбурга закрылась бы. После 1958 года, ослабившегося позорным мировым скандалом в связи с Нобелевской наградой Б.Л. Пастернаку, советский политический маятник снова чуть качнулся в сторону цензурного послабления, и Эренбург почувствовал, что наступает время для его заветной работы. «Осенью 1959 года, – вспоминал он позднее, – я часто говорил себе, что нужно сесть за стол и начать книгу воспоминаний; обдумывал план книги и, как всегда у меня бывало, оттягивал начало работы...»² Эренбург решил довести мемуары до весны 1953-го, но уверенности, что удастся напечатать все написанное, у него не было, и впервые за последние годы писательства он готов был к тому, что не все им написанное будет опубликовано.

Однако, несмотря на подчас свирепшую цензуру, Эренбургу ценою некоторых дипломатических уступок и хитростей удалось напечатать едва ли не все написанные им главы – годы работы над книгой «Люди, годы, жизнь» стали временем заметных перемен и сдвигов в стране, и сами эренбургские мемуары работали, по мере их публикации, на эти перемены.

Эренбург понимал, что были писатели, вся творческая и жизненная энергия которых реализовалась в их книгах (это подтверждают его слова в мемуарах о беззаветно любимом Гоголе: «Каким светом озарил этот угрюмый, болезненный, в жизни глубоко несчастный человек и Россию и мир!»).³ Для других же литература являлась одной из форм их участия в жизни (к ним, скажем, можно отнести и столь ценного Эренбургом Стендаля). В этом смысле и о самом Илье Григорьевиче, человеке умном и одаренном, в молодости менявшем не только политические взгляды, но и художественные увлечения, можно сказать, что его собственная жизнь, отмечена непримиримостью и компромиссами, непоседливостью, общительностью и очень замкнутым ближним кругом, дружбами и знакомствами с гениальными художниками и поэтами, неизменной верностью искусству и политическим реализмом. Словом, именно жизнь Эренбурга – его самый интересный роман. Поэтому, наверное, воспоминания «Люди, годы, жизнь» стали для

¹ В одноименном стихотворении (1939 г.) Эренбург так назвал годы своей молодости.

² См. наст. изд.: том 3, книга 7, глава 21.

³ См. наст. том, книга 3, глава 14.

отечественных читателей 1960-х годов захватывающим чтением (вопреки всем издержкам, неминуемым для подцензурного сочинения в условиях тоталитарного государства). Эта его книга сыграла исключительную роль в формировании молодого поколения того времени. То обстоятельство, что нынешний памятный читатель располагает знанием куда более острых и трагических фактов, чем приведенные на страницах книги Эренбурга, никак не лишает ее интереса и значительности; как раз напротив – эти вновь полученные знания позволяют точнее и лучше понять Эренбурга, его недоговоренности, намеки, мучения, его веру, его неуступчивость и компромиссы. Надеюсь, что и нынешние комментарии к мемуарам «Люди, годы, жизнь» способствуют тому же.

В течение пяти лет мемуары Эренбурга печатались в «Новом мире». По существу, это был единственный тогда журнал, куда он мог предложить свою рукопись, хотя его отношения с главным редактором журнала А.Т. Твардовским были едва ли не прохладными (ранних вещей Эренбурга Твардовский не знал, его поэзию ни во что не ставил, поздней прозой пренебрегал; в свою очередь, сложившиеся в 1910–20-х годах поэтические симпатии Эренбурга были в целом далеки от поэтики Твардовского). Взаимоотношения чуть потеплели после публикации в журнале нетривиального эренбургского эссе «Перечитывая Чехова» (1959). Но, даже печатая «Люди, годы, жизнь», главный редактор «Нового мира» в своих Дневниках 1960-х годов¹ многократно и охотно фиксировал высокомерное пренебрежение не только к литературной работе Эренбурга, но и к самой его личности, к его вкусам и стилю, как он их себе представлял, а Эренбург был человеком не в пример более закрытым и дневников не вел, так что документального свидетельства его личного отношения к Твардовскому (литератору, редактору, человеку) не оставил. Отметим также, что немного найдется среди достойных наших писателей середины XX века ментально и житейски более далеких друг другу людей, чем Твардовский и Эренбург.

Несмотря на это, главный редактор «Нового мира» сразу же решил печатать «Люди, годы, жизнь» и неизменно был корректен в общении и переписке с Эренбургом, предоставляя, правда, ему самому добиваться цензурного разрешения, если речь шла о запретах политически непроходимого материала, и лишь однажды отказался печатать неприемлемую лично для него главу мемуаров о Фадееве. Только после смерти Эренбурга, невольно сравнивая его с другими «советскими классиками», скажем с Фединым или Тихоновым, пережив к тому времени немало жестоких разочарований и ударов, Твардовский переосмыслил и самое значение мемуаров Эренбурга, ответственно пообещав им «прочную долговечность».²

Приведем еще одно суждение о мемуарах Эренбурга из дневника близкого к диссидентскому кругу писателя А.К. Гладкова, который в 1960-е годы часто бывал у И.Г., подолгу с ним разговаривал и записывал в дневник многое из того, что считал важным. Одна запись сделана им через год после смерти Эренбурга – 24 сентября 1968 года. Просмотрев томик «Люди, годы, жизнь» с 5-й и 6-й частями, Гладков записал: «Мне понадобилась одна справка из мемуаров Эренбурга, и я стал перелистывать третий том и кое-что перечитал. Вот книга,

¹ Твардовский А.Т. Новомировский дневник: в 2 т. – М., 2009.

² Твардовский А. Памяти Ильи Григорьевича Эренбурга // Новый мир. 1967. № 9. С. 286; см. также: Твардовский А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. – М., 1971. С. 379.

которая за время своего существования то понижается в цене, то растет. Сейчас она снова кажется почти невысказанно смелой и откровенной (как потемнел общий фон), а когда И.Г. печатал при жизни последние части <искореженные цензурой. – Б.Ф.>, то на фоне расцвета самиздатовской литературы она казалась и трусливой, и приблизительной, и туманной. Истина, как всегда, посередине, но настоящая оценка ее (как и всего написанного Эренбургом) возможна в соотношении с окружающим: она не существует отдельно от него: она с ним связана сложной исторической связью».¹ Это суждение из дневника, а вот другое, из его собственных воспоминаний об Илье Григорьевиче: «Писатель Эренбург не мог не знать, что в истории литературы есть жестокая закономерность: авторы знаменитых автобиографических книг обычно надолго лишают себя подробных биографий <...> Психологически трудно вступить в соревнование с героем биографии, самим подробно рассказавшим свою жизнь. Работа грозит превратиться в безудержное цитирование, авторство станет пересказом... Илья Григорьевич прекрасно понимал это, и, когда я однажды заговорил с ним на эту тему <...> сказал: “Я шел на это”. Он шел на многое – и на то, что очень долго никто не решится взяться за написание его биографии, и на то, что “Люди, годы, жизнь” сделают несуществующей едва ли не добрую треть им написанного, и на то, что совершаемая им попутно рассказу о своей жизни “переоценка ценностей” вызовет немедленные споры и протесты. И как все-таки хорошо, что написана эта энциклопедически щедрая, яркая, сердечная, добрая книга».²

Книга первая

К работе над первой книгой мемуаров Эренбург приступил во второй половине декабря 1959 года. К той поре он постарался освободиться от многих побочных обязательств, хотя дела, связанные с общественно-политической работой остались неотменными. 4 января 1960 года, уезжая по неотложному делу в Стокгольм, Эренбург сообщал другу своей парижской юности поэтессе Елизавете Полонской: «Пишу мемуары, но все время отрываю, а хочется восстановить прошлое».³ Приступая к самому значительному замыслу своей жизни, Эренбург обращался к различным литературным источникам – книгам, газетам, архивным материалам, а также к уцелевшим свидетелям событий (так, 17 февраля 1960 г. в письме к В.А. Радус-Зеньковичу, с которым в 1908 году он сидел в Мясницкой полицейской части Москвы, Эренбург расспрашивал о дальнейшей судьбе товарищей по подполью⁴; весной 1960 года отдельные главы рукописи посылал с просьбой отметить возможные неточности своему гимназическому товарищу

¹ Дневники А.К. Гладкова за 1968 г. / Публикация М. Михеева // Звезда. 2015. № 1. С. 179. Доживи А.К. Гладков до наших дней, он наверняка не отказался бы от этих слов.

² Гладков А.К. Поздние вечера. – М., 1986. С. 100–200; см. также: Воспоминания об Илье Эренбурге. – М., 1975. С. 261–262.

³ Эренбург И.Г. На цоколе историй. Письма 1931–1967 / Издание подгот. Б.Я. Фрезинским. – М.: Аграф, 2004. С. 477; далее: П 2 и номер страницы.

⁴ П2. С. 478–479.

В.Е. Крашенинникову, О.П. Ногиной; летом – Е.Г. Полонской). 15 апреля 1960 года Эренбург сообщил О.П. Ногиной: «Я закончил первую часть воспоминаний».¹

Первая книга мемуаров Эренбурга повествует о первых 26 годах жизни Ильи Эренбурга. В ней главы о Киеве, где он родился 26 (14) января 1891-го, о Москве, куда в 1896-м переехала его семья (родители, их первые три дочки и он сам), о Первой московской гимназии, где учился, о друзьях большевистской юности Н. Бухарине, Г. Сокольникове, С. Членове и В. Неймарке, о молодой революционерке Н. Львовой, писавшей стихи, о Париже, куда он эмигрировал в декабре 1908 года, спасаясь от преследований за революционную работу, о политиках В. Ленине и Б. Савинкове, с которыми познакомился уже в Париже, о старшем друге Т. Сорокине, к которому ушла его первая жена, о друзьях парижской молодости: русских поэтах К. Бальмонте, М. Волошине, А. Толстом, французских поэтах Г. Аполлинере и М. Жакобе, о художниках А. Модильяни, Ф. Леже, Д. Ривере и П. Пикассо.

Поэт Борис Слуцкий, которому Эренбург давал на прочтение все написанное до передачи мемуаров в редакцию журнала, вспоминал: «Правя мемуары, я, конечно, иногда разрушал музыку фразы, которая всегда выговаривалась прежде, чем выстукивалась на машинке. Вообще говоря, мемуары читали (до журнальных редакторов) всегда и по главам – Наталия Ивановна <Столярова, секретарь Эренбурга. – Б.Ф.> (она их перепечатывала), Любовь Михайловна <жена писателя. – Б.Ф.>, Ирина Ильинична (его дочь), я и Савич <ближайший друг писателя. – Б.Ф.>. Кроме того – так сказать, узкие специалисты. <...> Мелкие справки наводились по “Ляруссу” и Большой советской энциклопедии (2-е издание). В случае надобности читалась всякая дополнительная литература. Эренбург слушал замечания, даже требовал их, спорил, часто соглашался. Один из важнейших законов, которые он выработал для мемуарной книги, – не писать о плохих людях (кажется, никто из них не удостоился отдельной главы) и не писать плохого о хороших людях. Эренбурга обвиняли в очернительстве, а закон, оказывается, толкал на лакировку».²

Критик Б.М. Сарнов приводит услышанные им от Эренбурга слова о книге «Люди, годы, жизнь»: «Я писал ее для печати. В первой книге, которую я сейчас закончил, есть только одна глава, которая пойдет в архив³. Это – глава о Троцком. Я сам не хочу ее печатать... Я встретился с ним в Вене в 1909 году⁴. Он очень мне не понравился... авторитарностью, отношением к искусству... Я не хочу сейчас печатать эту главу потому, что мое отрицательное отношение к Троцкому сегодня

¹ П2. С. 480.

² *Слуцкий Б.* О других и о себе / Сост., подгот. текста, примеч. Петра Горелика; вступ. статья Никиты Елисеева. – М., 2005. С. 206.

³ Эренбург имеет здесь в виду невозможность напечатания главы по причинам политическим. Когда 16-ю главу о Т.И. Сорокине прочла мать единственной дочери Эренбурга Ирины Е.О. Сорокина, которая в 1913 году ушла от Эренбурга к его другу Т.И. Сорокину, она попросила И.Г. не печатать эту главу при ее жизни, и он пошел ее просьбе навстречу (впервые гл. 16 напечатана в бесцензурном издании мемуаров 1990 года по решению уже И.И. Эренбург).

⁴ *Фрезинский Б.Я.* Троцкий, Каменев, Бухарин: избранные страницы жизни, работы, судьбы. – М.: АИРО. XXI, 2015. С. 56–68.

может быть ложно истолковано. А все остальное хочу напечатать»¹, однако после смерти Эренбурга эту главу в его архиве не обнаружили; скорей всего, она так и не была написана.

Работая над мемуарами, Эренбург старался сбить с толку цензуру. Так, рассказ о Б.В. Савинкове написан иначе, чем другие портретные главы, – он начинается с ряда эпизодов из жизни самого автора и поначалу вообще не кажется портретной главой. В воспоминаниях о Бухарине и Сокольникове речь идет только о годах юности героев (к рассказу об их дальнейшей судьбе Эренбург предполагал вернуться позднее).

О новой работе писателя 9 апреля 1960 года сообщила «Литературная газета», напечатав главу о Ленине; предваряя эту публикацию, Эренбург писал: «Эта глава из книги “Годы, люди, жизнь”, над которой я в настоящее время работаю». Название мемуаров изменилось позже; перестановка слов была принципиальной. Уже 4 июня 1960 года, публикуя главу об А.Н. Толстом, «Литературная газета» сообщила, что это отрывок из книги «Люди, годы, жизнь», которая целиком будет печататься в «Новом мире». Дело в том, что еще 25 апреля 1960 г. Эренбург в письме Твардовскому предложил для «Нового мира» первую книгу своих мемуаров.² Заместитель Твардовского А.И. Кондратович вспоминал: «Эренбург писал, что начал большую работу над воспоминаниями, закончил уже первую книгу и видит, что нигде ее, кроме «Нового мира», он не сможет напечатать. Он просит А.Т. прочитать книгу, и если А.Т. что-то в ней не понравится, он не будет в обиде, если тот ее не примет к печати. А.Т. тотчас позвонил И.Г. и сказал, что немедленно пришлет курьера, а так как Эренбург жил недалеко от редакции, рукопись через 15 минут лежала у А.Т. на столе <...> Я не сказал бы, что А.Т. был в восторге от этих воспоминаний. Многое в них раздражало его, но он сразу же почувствовал значение мемуаров – и в творческой биографии самого Эренбурга, и вообще в нашей литературе. Это убеждение со временем крепло помимо всего прочего в силу изменения политического климата. Убежденный антисталинист, первый возвестивший наступление “оттепели”, Эренбург с похолоданием становился в этом, пожалуй только в этом, но зато в каком существенном отношении все ближе А.Т.»³

Редакция «Нового мира», приняв рукопись в целом, категорически отказалась бороться за прохождение через цензуру главы о «врагах народа» Бухарине и Сокольникове⁴, предоставив автору самому добиваться этого. К тому времени процесс реабилитации жертв сталинского террора уже буксовал, и реабилитация наиболее выдающихся сподвижников Ленина задерживалась. В этих условиях обращаться за разрешением имело смысл лишь к Хрущеву. Суть своей просьбы к нему Эренбург изложил в письме 8 мая 1960 года: «В журнале “Новый мир” начинают печатать мои воспоминания. В начале я рассказываю о моем скромном участии в революционном движении в 1906–1908 годах. Там я говорю о Бухарине

¹ Сарнов Б. У времени в плену // Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: в 3 т. Т. 1. – М.: Советский писатель, 1990. С. 16–17. Далее – ЛГЖ-90.

² П2. С. 482.

³ Кондратович А. Новомирский дневник. 1967–1970. – М.: Собрание, 2011. С. 178.

⁴ Они были реабилитированы только в самом конце 1980-х годов.

и Сокольникове того времени – о гимназистах и зеленых юношах. Я решаю послать Вам эту главу и отчеркнуть те две страницы, которые без Вашего слова не могут быть напечатаны. Особенно мне хотелось бы упомянуть о Бухарине, который был моим школьным товарищем».¹ Одновременно Эренбург писал в сопроводительной записке референту Хрущева по вопросам культуры В.С. Лебедеву: «Из письма Никите Сергеевичу Вы увидите, в чем моя просьба. Может быть, даже не к чему показывать ему две страницы – я думаю сейчас о его времени. Может быть, Вам удастся просто спросить его в свободную минуту, могу ли я упомянуть в своих воспоминаниях восемнадцатилетнего Бухарина (это для меня наиболее существенно)».² Оба письма вручила В.С. Лебедеву секретарь Эренбурга Н.И. Столярова. Вот что она мне рассказала в 1975 году: «Лебедев прочел письмо и сказал, что у Никиты Сергеевича может быть свое мнение и он его не знает, но ему кажется, что не следует это печатать, т. к. Бухарин не реабилитирован, народ знает его как врага и вдруг прочтет, как тепло и душевно пишет о нем Илья Григорьевич, – все шишки повалятся на него. В интересах душевного спокойствия И.Г. не печатать этого сейчас. Конечно, если И.Г. будет настаивать, напечатают: ведь у нас цензуры нет, но это не в интересах И.Г. Прощаясь, Лебедев сказал, что письмо он, разумеется, передаст».³ Эренбург оценил лукавство Лебедева и понял, что реабилитация Бухарина в ЦК не готовится. Ответа на свое письмо от Хрущева или его сотрудников он не получил. Сообщить Твардовскому об этом было выше его сил, и Эренбург написал, что добровольно снимает те две страницы; вместо них в журнальном тексте появились слова: «Еще не настало время рассказать о всех моих товарищах по школьной организации. Рассажу сейчас о некоторых».⁴

Шесть глав первой книги с апреля по август 1960 г. предварительно (до «Нового мира») публиковались в газетах и журналах. Это позволяло Эренбургу заранее сообщать своим читателям, как движется работа над мемуарами и что их ожидает впереди. Он был предусмотрителен, используя такую возможность оповещения читателей о ходе написания почти всех книг «Люди, годы, жизнь» вплоть до последней, седьмой, завершить которую не успел (о ней читатели узнали в 1967 году из предварительной публикации нескольких глав; знакомства со всем написанным ее текстом им пришлось ждать долгие 20 лет после смерти автора).

«Люди, годы, жизнь» не были анонсированы в «Новом мире» на 1960 год, но публикация первой книги в 8–10 номерах вызвала широкий читательский резонанс. А.И. Кондратович свидетельствует: «Читательский успех мемуаров был огромный. Номера в киосках раскупались тотчас же. Мы получали множество писем, но и мытарств с этими мемуарами мы хватили тоже сверх головы».⁵ Советская критика (как ортодоксальная ее часть, так и, пользуясь современным словом, либеральная), ожидая дальнейших частей повествования, о первой книге высказаться не решилась; несколько доброжелательных рецензий появились разве лишь в провинциальной

¹ П2. С. 482–483.

² П2. С. 483.

³ Архив автора.

⁴ Новый мир. 1960. № 8. С. 40.

⁵ Кондратович А. Указ. соч. С. 179.

прессе. Готовя в 1961 г. первую книгу вместе со второй к отдельному изданию, Эренбург внес в нее ряд дополнений и исправлений. Сразу после публикации в «Новом мире» первая книга мемуаров Эренбурга была переведена во многих странах мира. Публикация мемуаров Эренбурга широко и подчас пристрастно обсуждалась в литературных кругах страны. Характерный эпизод приводит в своем дневнике 29 сентября 1960 г. писатель А.К. Гладков, еще не знакомый тогда с Эренбургом лично: «Спор о воспоминаниях Эренбурга. Н.Я. <Мандельштам. – Б.Ф.> бранит, и Коля <Оттен. – Б.Ф.> ее поддерживает (теория “малой пользы”, компромиссы и пр.). Я и Елена Михайловна <Фрадкина. – Б.Ф.> защищаем Эренбурга. А.С. Эфрон тоже говорит, что он написал “не так” о М. Цветаевой, а Н.Я. боится, что он “не так” напишет о Мандельштаме. Нашелся в стране человек, который пишет о Цветаевой и Мандельштаме и др., и сразу на него напустились, что “не так”...»¹

Книга вторая

Вторая книга мемуаров «Люди, годы, жизнь» рассказывает о событиях в России с июля 1917-го до весны 1921-го, когда Эренбург отправился в Париж, чтобы написать задуманный им роман о войне и революции. Читая эту книгу, вы следуете за Эренбургом по маршруту его нелегких и часто вынужденных перемещений в трудные времена (он сегодня покажется вполне соблазнительным): Петроград – Ялта – Коктебель – Москва – Киев – Полтава – Коктебель – Феодосия – Тифлис – Москва – Рига – Париж – Брюссель. В Киеве 13 августа 1919 года Илья Эренбург женился на своей двоюродной племяннице, молоденькой художнице Любе Козинцевой, ставшей спутницей всей его жизни, о чем он с веселым изяществом написал во второй книге. В ней читатель знакомится и с главами о Брюсове и Цветаевой, Пастернаке и Маяковском, Волошине и Мандельштаме, Мейерхольде, Таирове и Дурове, о Есенине и Т. Табидзе. Повествование завершается рассказом о первом и, пожалуй, самом знаменитом романе Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников».²

Эта книга писалась летом и осенью 1960 года. Уже напечатал первую часть мемуаров и приступив к работе над второй, Эренбург говорил Б.М. Сарнову: «С ней будет сложнее. Из нее дай бог чтобы мне удалось напечатать две трети. А треть пойдет в архив».³ 26 октября он сообщал Е.Г. Полонской: «Я кончил теперь вторую часть воспоминаний. Работа увлекательная, но печальная».⁴ Журнальная

¹ Гладков А. Я не признаю историю без подробностей (из дневниковых записей 1945–1973) / Предисл. и публикация Сергея Шумихина // *In memoriam*: исторический сборник памяти А.И. Добкина. – СПб. – Париж, 2000. С. 549. Подробно об отношениях к мемуарам Эренбурга А.А. Ахматовой см.: Фрезинский Б.Я. Об Илье Эренбурге (книги, люди, страны). – М.: НЛО, 2013. С. 545–556; далее – Ф5 и номер страницы.

² Этот скорее сатирический роман о войне и революции обдумывался Эренбургом начиная с 1916 г. и написан летом 1921-го в Бельгии за 28 дней; его полное название занимает страницу, напечатан он был впервые в Берлине в январе 1922 г., а в 1923-м издан в Москве с предисловием Н.И. Бухарина.

³ Сарнов Б. Указ. соч. С. 17.

⁴ П2. С. 490.

судьба первой книги к тому времени решилась положительно, и вторую Эренбург писал, также рассчитывая на публикацию в «Новом мире».

Рассказывая о событиях Гражданской войны, об эпохе военного коммунизма, о трагической судьбе своих современников, он не мог не считаться с цензурой. Многие страницы второй части написаны суше, дипломатичнее, чем первая книга, и тем не менее вторая часть «Люди, годы, жизнь» стала для тогдашних советских читателей заметным прорывом в осмыслении отечественной истории, недаром мемуары Эренбурга в течение последующих десятилетий в СССР оказались фактически под запретом.

Неканоническое изображение трагедии Гражданской войны, в которой случай разводил родных братьев под противоборствующие знамена, рассуждения о драме Маяковского, отказавшегося от искусства ради политики, впервые приведенные воронежские стихи Манделштама, самое имя которого было неизвестно подавляющему большинству читателей, глава о Марине Цветаевой, книга стихов которой еще только готовилась к изданию, рассказ о Пастернаке-лирике в пору политического остракизма, вызванного присуждением ему Нобелевской премии за роман, – все это не могло не стать сенсацией в СССР начала шестидесятих годов.

Глава 9 под названием «Киев» была напечатана до «Нового мира» – 27 октября 1960-го в «Литгазете»; глава 11 – в № 10 журнала «Советская Украина»; глава 15 о Тифлисе – в «Лит. Грузии» № 1 за 1961-й, глава 19 под названием «Воспоминания о Мейерхольде» – в № 2 журнала «Театр» за 1961-й одновременно с «Новым миром» (в архиве Эренбурга сохранились также гранки не осуществившейся предварительной публикации 6-й и 7-й глав в «Литгазете»).

Беседуя поздней осенью 1960 года с журналистами, Эренбург говорил о своей работе: «Вторая книга будет опубликована в “Новом мире”. По-моему, она слабее первой. Отдал читать Твардовскому. Он позвонил на следующий день, сказал, что понравилась. Твардовский предупредил, что формально будет трудно “пробить” то, что я пишу о Пастернаке. А по существу его пугает Маяковский». ¹ Лично у Твардовского обе главы не должны были вызвать возражения – он никогда не был поклонником Маяковского, а глава о Пастернаке написана достаточно взвешенно. Возражение против этой главы высказал лишь один член редколлегии журнала – очеркист Валентин Овечкин. Прочитав верстку первого номера за 1961 год, он 5 декабря 1960 года в письме Твардовскому ² высказался против похвал Пастернаку-поэту и подверг сомнению правдивость рассказа о дружбе Пастернака с Маяковским. «Замечания твои по Эренбургу будут учтены и доведены до автора, – ответил ему Твардовский. – Замечаний по нему можно было бы сделать и в десять раз больше, но учить Эренбурга поздно и невозможно, нужно считаться с таким, каким его бог зародил. Тем более что это – продолжение, а начало имеет успех у читателя, и все в целом имеет свою объективную ценность мемуарного свидетельства о пережитом при всем несовершенстве и порой претенциозности субъективного изложения». ³

¹ Архив автора.

² Текст письма В. Овечкина см.: Север. 1979. № 10. С. 120.

³ Твардовский А.Т. Письма о литературе 1930–1970. – М., 1985. С. 210.